

Территория Творчества

Небо в розовых тонах

Девять Жизней

Валентина Спирина

**Небо в розовых тонах.
Девять Жизней**

«Издательские решения»

Спирина В.

Небо в розовых тонах. Девять Жизней / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966184-5

Вся самая вкусная, интересная, захватывающая проза и поэзия наступившей весны — лучшие произведения от ведущих авторов Территории Творчества, на самый взыскательный вкус. Полюбившиеся уже имена, знакомые вам с самых первых выпусков, и новые авторы нашего проекта (но не новички в писательском мире) — это всё ожидает вас на страницах нового сборника «Небо в розовых тонах. Девять Жизней».

ISBN 978-5-44-966184-5

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Территория Творчества	6
Вот и март	7
Ангелы и бесы	8
Раздеваюсь	9
Я давно тебе не писала	10
Стирая грань непониманий	11
Представь, что ты один	12
Рада	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Небо в розовых тонах Девять Жизней

Составитель Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

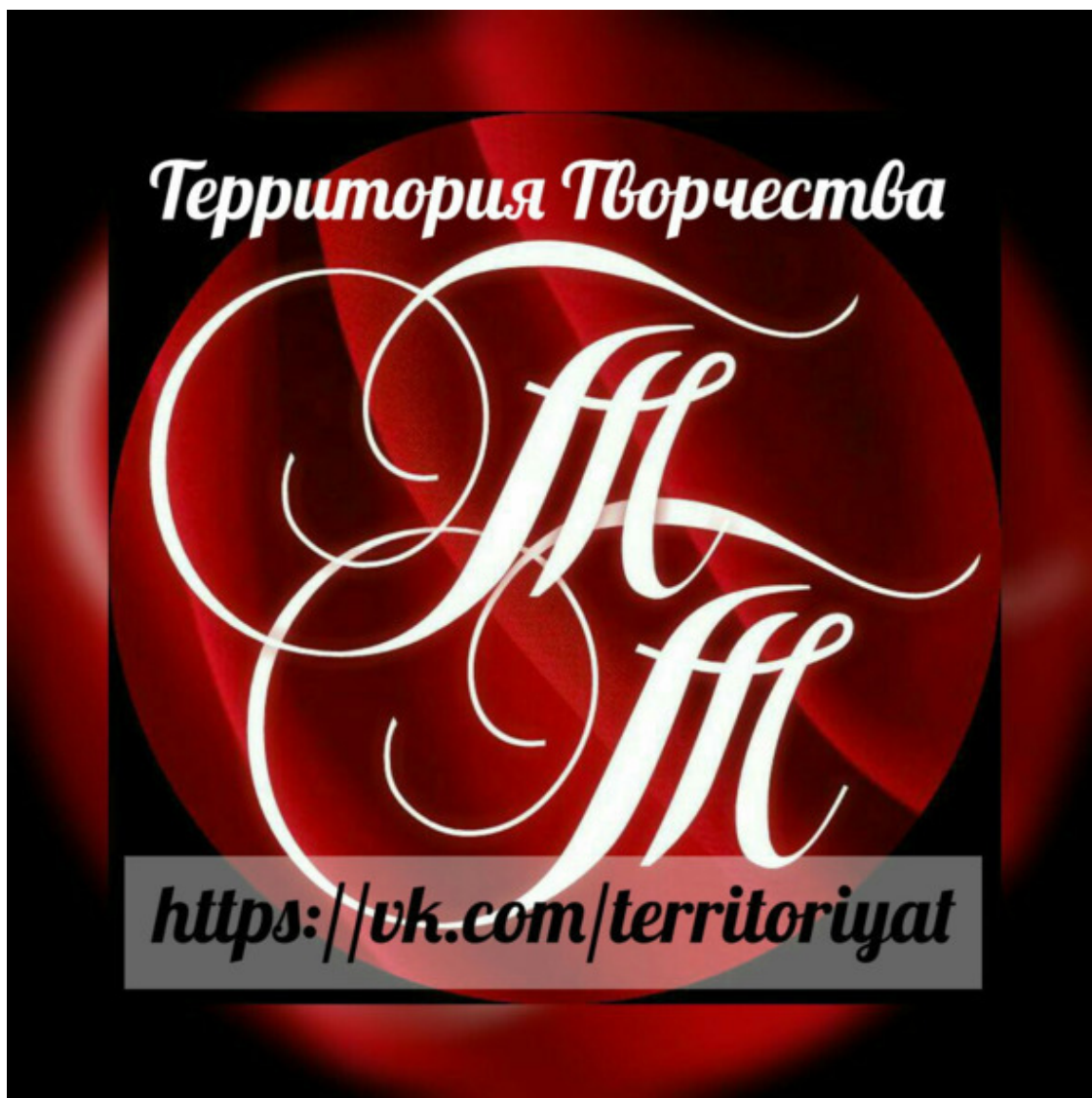
Художник обложки Мельниченко Дарья

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6184-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

Все произведения и фотографии в сборнике публикуются с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Отдельная благодарность маленькой, но очень талантливой художнице Дарье Мельниченко за рисунок для обложки.

Вот и март

Светлана Сапронова

Вот и март. Снова ночь. Невозможно заснуть.
Размочаленных нервов колеблется лодка.
Натянув, как резину, сезонную муть
Рвут хвостатые злыдни бездонную глотку.

Третий час, и с бессонницей снова «на ты»,
А беруши куда-то исчезли некстати.
Вновь по улицам сонным гуляют коты,
Раздавая мяуканье всем, кто в кровати.

Ангелы и бесы Светлана Королева

Ангелы и бесы дружат в нас,
Балансируя
То нежной добротой, то необузданным гневом,
То лёгкими минутами, а то разнузданной тоской подчас,
И в зеркале души: то летнее дыхание, то – порванные в клочья
нервы.

Ангелы и бесы – сильные соперники,
Но союзники также,
Сила их в объединении, в единстве, человеческой
многогранности.
Как латынь с немецким – в авторских трудах Коперника,
Как стабильность стали-мастерства, слитая с золотом-
спонтанности.

Ангелы и бесы в нас не делятся
На рай и ад.
Им комфортно – в мире целостном-тебе. Канатоходцем
и верёвкой.
От того – ты то нещадно беден смыслом, то воистину
воскреснувши – богат,
От того ты – то тяжёлым камнем вниз, а то ввысь крылатой фразой
лёгкой.

Ангелы и бесы – это ты.

Раздеваюсь Валентина Иванова

Раздеваюсь. Медленно-медленно снимаю с себя стихи-кожу. А ты готов к такому?

С пальцев перчатки-отпечатки сползают. Вне зоны идентификации.

Казалось бы – ну кому и зачем нужна моя вот эта душевная дефлорация.

И что она может дать ещё воображению моему – лишь тобой – больному.

Падаю. Обнаженная до аорты сердца, до трахеи, до боли – от крика – в горле.

И ползу – стихотворного мяса кусок – тебе не страшно?

Но сегодня именно так, такими словами жесткими, но для меня важными.

А ты попробуй дослушать, ибо правду всю – какая есть – можно сказать лишь, когда разум в коме.

Остановилась. Под словами-плетью застыну, как каменное изваяние.

Твоё «не люблю» ляжет шрамами – до костей – глубокими.

И буду скулить от боли, словно собака побитая зеленоокая.

Лучше промолчи, ибо молчание твоё, лучом надежды хрупкой станет мне.

Неправда! Всё не так! Стихи для меня и броня, и кожа, и спасение. Даже если не любишь и не любил – всё-равно – спасибо. Я за двоих счастлива.

Свою индульгенцию на любовь я на тебя потратила и музой теперь обласкана.

А тебе, любимый, спасибо за то, что ты есть – пусть не мой. И за твоё терпение.

Я давно тебе не писала Валентина Иванова

Я давно тебе не писала стихов, несколько дней – это очень много...
Но что бы я не начала писать, всё будет про любовь, даже если
стихи будут про дорогу.

Даже если стихи будут про дождь, я скажу, что это мои слезинки.
Ты, наверняка, не совсем такое ждешь, и тебе хотелось бы, чтобы
я сменила пластинку.

Сменила пластинку и включила бы режим природы, шум моря
и звездный шепот добавила.

А у меня на сердце одна погода – сезон засухи по тебе и без тебя –
одинокости марево.

Без тебя – одинокости марево или зима под весенним солнцем.
Без тебя я словно сердце на паузу поставила, ибо без тебя оно
не поет, не бьется.

Без тебя и стихи не звучат в душе, не поют про любовь – скрипят
убого.

Я давно не писала тебе стихов... Несколько дней... Это слишком
много.

Стирая грань непониманий Андрей Егоров

Стирая грань непониманий
ЧУЖОЙ, в обители Земли...
СРЕДИ изломанных скитаний
СВОИХ находишь на пути...

И нервы сжаты под прицелом
Горящих взоров за спиной
Сжигаешь мысли в пепел белый
И понимаешь, что Чужой...

В пыли несущихся столетий
Бессмертен стих, послание иных...
Потомкам тех, кто не заметил,
Что ты... Чужой, среди Своих...

© 15.03.2019

Представь, что ты один Валентина Иванова

Представь, что ты один на вершине холодной горы.
Нет ни меня, ни стихов моих, ни других источников тепла и света.
И дикий озноб бьет, несмотря на жаркую середину лета.
Ты стоишь – руки к небу подняв и в звезды целятся вековые сосны-
стволы.

А ты не молчи. Крикни. Позови меня. И я обязательно приду.
Через тысячи верст прилечу, обернувшись птицей.
Я не Феникс, но ради тебя я из пепла смогу возродиться.
И услышу тебя всегда, даже если буду лежать в горячем бреду.

На минуту представь, что один среди бескрайних антарктических
льдов.
Голубое безмолвие жжет глаза и никуда от него не спрятаться.
Я буквами осыплюсь с неба – словно кадры из фильма «Матрица».
Я возьму тебя за руку и поведу в долину теплых и нежных снов.

Представь, пожалуйста, на мгновение, что ты посреди вечно-
зеленой тайги.
Даже солнце не может пробиться сквозь плотную занавесу веток.
Я белкой спущусь в ладони к тебе и улыбнется, качая листвой
кедр-предок.
Сквозь деревьев тропинка мелькает – лишь для тебя – беги.

Рада Денис Соболев

Утро. Хмурое сентябрьское утро. Над дорожками парка висит плотный, как вата, белый зябкий туман. Стоящие вокруг пожелтевшие тополя и березы застыли в немом ожидании. Наверное, тоже замерзли за ночь. В воздухе витает запах увядания, мокрых листьев и сигаретного дыма. Сажу на скамейке, курю уже какую по счету за ночь сигарету. Настроение... да какое там настроение. Не спал, замерз и от запаха сигарет уже тошнит...

– Привет. Ты чего такой грустный?

Поднимаю глаза, смотрю хмуро и устало. Теплая улыбка, смеющиеся глаза и озорные ямочки на щеках. Лет двадцать? Или чуть больше? Или меньше? Сейчас возраст угадывать все сложнее. Не отвечаю ничего, выбрасываю окурок и устало откидываюсь на спинку скамейки. Спать хочется просто зверски. Да и нет у меня настроения разговаривать, даже с такими хорошенькими девчонками. Негромко шуршит ее легкое платье – присела рядом. И как ей не холодно? Вроде бы и тепло на улице, но этот туман...

А она продолжает как ни в чем не бывало:

– А я иду по парку, люблюсь красотой. Ведь правда же красиво? – она чуть касается моего рукава. Я поднимаю такие тяжелые веки и молча смотрю на нее. Раскраснелась, улыбается... такая... миленькая. Точно, это слово лучше всего ее описывает. Она, не смущаясь, тараторит все так же:

– Такой туман густой, почти ничего не видно! Только березы в нем свои ветки полощут, как бельё в реке...

Я слушаю ее голос, такой мелодичный и приятный. Хм. Березы полощут ветки в тумане... Поэтично.

– А тополя стоят такими великанами. Как будто братья старшие сестренки оберегают. Правда же похоже? – она вопросительно на меня смотрит, а я молчу. Но ее это как будто не смущает, она встает, тянет меня за руку:

– Пойдем гулять? Чего ты тут сидишь, нахохлился, как ворон.

И когда я поднялся, говорит:

– Я Рада.

Кивнул:

– И я рад. Только не знаю чему.

Она звонко рассмеялась, закинув голову, отчего ее волнистые русые волосы рассыпались по плечам настоящим водопадом:

– Да нет же, меня так зовут – Рада, – и улыбнулась, глядя мне прямо в глаза.

– Тогда я рад знакомству...

Она потянула меня снова... шаг... еще шаг... Мне было все равно, сидеть или идти.

Рада продолжила прерванный разговор:

– А потом смотрю – ты сидишь, грустный-грустный. А я не могу, когда люди грустят. Грустить плохо.

– А как ты узнала, что я именно грустный? не усталый, не злой, не пьяный наконец?

Рада улыбнулась широко, весело:

– Ну ты чего? По человеку сразу видно, когда он грустный. Вот бывают люди, которым немного взгрустнулось. Ну там, лето кончилось или еще что-то такое... легкое. И грустинка у человека легкая, светлая, как облачко. Налетела на миг, солнышко закрыв, и улетела. Такого человека легко развеселить можно. Сказал что-нибудь приятное, и уже улыбка, – она снова улыбнулась.

Мы шагали по неровным дорожкам, перешагивая трещины в асфальте и пробивающиеся тут и там сквозь дорожку травинки.

– А бывает такое, что у человека грусть тяжелая. Поругался с кем-то, обидел кто-то или несправедливость какая приключилась. И ходит такой человек насуспенный, глаза темные, холодные. Такого человека развеселить сложно. Он грустит еще и от того, что грустит.

Я поднял на Раду глаза, спросил заинтересованно:

– А у меня какая грусть?

Рада посмотрела на меня внимательно, и сказала не то, чего я ожидал:

– Но хуже всего, когда у человека грусть привычная. Она страшнее всего. Такой человек ходит так, будто у него на плечах груз неподъемный лежит. Смотрит под ноги, никого вокруг не видит. И не хочет видеть. И с грустью своей сроднился как с любимой старой курткой. Идет куда-то – обязательно наденет. Попробуешь отобрать – будет сражаться за нее. Он ее холит и лелеет, любит и оберегает. Жалеет себя и постепенно учится не любить других. Таких людей нужно срочно спасать!

Рада не заметила, как повысила голос, на нас стали оглядываться редкие прохожие. И то сказать, странная парочка. Хмурый мужик в теплой ветровке, с трехдневной щетиной и красными от недосыпа глазами, и свежая как весна молодая девчушка в легком цветастом платье и сандалиях. Я остановился, стянул ветровку, накинул ей на плечи:

– Замерзла поди, Рада?

Она зажмурилась благодарно, потерлась щекой о плечо, посмотрела вдоль аллеи:

– Смотри как красиво!

Посмотреть и правда было на что. Туман, наконец, разошелся, выглянуло солнце, и стоящие вдоль дорожек дубы будто вспыхнули в его свете желтым, оранжевым и красным!

Листья ковром накрыли траву, распространяя вокруг дурманящий запах. Рада шагнула на этот роскошный лиственный ковер, сняла сандалии и пошла, разгребая листву босыми ногами. Я шагнул следом, не знаю зачем.

Рада повернулась ко мне, зачерпнула охапку листьев и подбросила вверх, рассмеялась счастливо. Протянула обе руки ко мне:

– Идем! Идем, я тебе кое-что покажу!

Я шагнул послушно. Она ухватила меня за ладонь своими тонкими длинными пальцами, потянула уверенно куда-то вглубь парка. Я остановился:

– Погоди, сандалии...

Но Рада махнула рукой:

– Некогда! Пойдем скорее!

Хм. Ну пойдем. Хотя что за спешка?

Она подвела меня к огромному раскидистому дубу. Под его кроной можно было бы поставить пару десятков столиков, такой он был большой. Рада поманила меня пальцем. Подошел. Она взяла мои ладони, приложила их к узловатой коре:

– Слушай.

Я послушно стоял, думая про себя, что эта странная девчонка удивляет меня все больше. А она спросила вдруг, глядя на меня взволнованно:

– Слышишь?

Я отрицательно помотал головой. Рада огорченно вздохнула:

– Так я и думала... Погоди, иди за мной, – она решительно пошла вокруг дерева, пригибаясь перед особенно низкими ветвями. На другой стороне дуба я увидел большое дупло. Все повторилось.

– Слышишь?

– Да, вроде мыши пищат...

Рада рассмеялась. Она вообще любила смеяться, и у нее это получалось очень заразительно. Я невольно улыбнулся:

– Что?

– А ты в дупло загляни. Только не шуми, напугаешь.

Достав телефон, я посветил в дупло и увидел там... наверное, это была мышь. Я не очень разбираюсь во всей этой фауне. Она сидела на задних лапах и испуганно смотрела на меня бусинками глаз, смешно шевеля носом. Я повернулся к Раде:

– А что я должен был услышать?

Она задумчиво погладила кору могучего дерева:

– Этому дубу уже триста лет. Он старше этого города, он патриарх. Он видел все радости и печали этого города. И не засох, живет и радуется всех вокруг. Люди утратили связь с природой, с собой. И от этого такие грустные. Вот и ты не слышишь. Вот скажи мне – от чего ты сегодня такой грустный?

Я задумался.

– Дела не идут, с друзьями вчера поругался, не спал вот...

Она улыбнулась грустно:

– И из-за этого ты грустный? Честно-честно?

Я ответил:

– Пойдем, а то твои сандалии найдут себе другого хозяина.

Рада кивнула:

– Пойдем...

Солнышко меж тем уже светило всюду, расцвечивая парк яркими осенними красками. На дорожке, возле того места, где Рада оставила сандалии, стояла маленькая девчушка лет пяти. Глазастая, курчавая, она посмотрела на нас долгим внимательным взглядом, и строго спросила:

– Тетя, это ваши сандалики?

Рада присела перед ней на корточки, спросила с улыбкой:

– Как тебя зовут, кукла? И где твоя мама?

Девочка насупилась:

– Я не кукла, я Мафа. И вообще, вопросом на вопрос отвечать не вежливо.

Я усмехнулся, а Рада рассмеялась заливисто, сказала:

– Да, Маша, это мои сандалики.

Голос маленькой Маши стал еще строже:

– А зачем же вы их тогда бросили? Ведь нельзя свои вещи разбрасывать.

Рада ответила серьезно:

– Ты права, нельзя конечно. Я больше не буду...

Из-за спины раздался женский голос:

– Доченька, вот ты где. А я тебя обыскала.

И обращаясь к нам:

– Спасибо большое, что приглядели.

Я ответил:

– Скорее Маша за нами приглядывала, – и подмигнул девчушке.

Рада меж тем принялась обуваться. Маша, заметив это, спросила:

– Тетя, а зачем вы босиком ходите? Так ведь можно заболеть...

Рада с улыбкой сказала:

– Это очень здорово – ходить босиком по траве и листьям. Хотите попробовать? – обратилась уже к маме маленькой чудесницы.

Та замялась, смутилась:

– Да ну как-то неудобно...

Маша подняла на маму глаза и просительно затащила:

– Ну мааааам, ну пажалста! Ну давай с тетей босиком походим!

И мама сдалась, благо тоже была в легких туфельках. Я стоял и смотрел, как Рада водит маму с дочкой по листве, и как их глаза начинают светиться настоящей, неподдельной радостью. А уж когда девчушка увидела мышку, восторгам ее не было предела. Расстались они с Радой уже подружками. Маша сказала на прощанье:

– Тетя Рада, я вам рада. приходите в гости. И дядю своего хмурого берите.

Рада и мама девочки переглянулись и прыснули, а я улыбнулся Маше – не такой уж я и хмурый...

Мы гуляли по парку до самого вечера. Перекусили в кафешке, покатались на аттракционах, ели мороженое и катались на катамаране. Я не думал о времени, о неидуших делах. Просто гулял. И мне было хорошо. Рада рассказывала мне о том, как просто быть счастливым. Как много вокруг поводов для радости. Маленькие и большие радости подстерегают нас везде. Главное от них не уворачиваться. Так она и сказала.

А потом Рада сказала:

– Мне пора.

Я спросил:

– Завтра встретимся?

Она улыбнулась:

– Ты совсем не грустный теперь. Ты сегодня весь день улыбался и много шутил. Ты устал?

– Нет, мне хорошо.

– То есть быть радостным не сложно?

– Конечно нет. Почему ты спрашиваешь?

Но она продолжала:

– А грустным? Грустным быть легко?

Я усмехнулся:

– Ты ведь знаешь ответ...

Она улыбнулась:

– Знаю. И ты знаешь. Зачем тогда грустишь?

Я не нашелся что ответить. Потом сказал все же:

– Потому что грустно. Бывает такое.

– Самое главное – не позволять себе грустить долго. Любая грусть со временем сушит душу, делает ее черствой. И люди перестают радоваться. А ведь быть счастливым просто.

Она кинула на меня взгляд из-под пушистых ресниц, развернулась и пошла в ночь.

– Рада! Мы встретимся?

– Я хочу видеть тебя веселым...

Я стоял и улыбался. Просто потому, что улыбаться – просто...

...Солнечные блики теплыми мягкими лапами гуляли по лицу, просвечивая сквозь неплотно прикрытые веки. Легкий теплый ветерок покачивал ветки рябины над моей головой. Рубиновые налитые грозди тяжело раскачивались на тонких ветвях, распространяя вокруг чуть горьковатый пряный запах. Хо-ро-шо. Утро выдалось замечательным, теплым и солнечным. Бабье лето в самом разгаре, ошалелые мошки носятся вокруг, спеша урвать последние дни жизни. Откуда-то из травы поднялась бабочка, невесть каким чудом дотянувшая до конца сентября. В этом году природа будто сошла с ума и передвинула все на пару недель вперед. Такими темпами на новый год без снега останемся...

Откуда-то из-за спины доносился детский смех, живо напоминая мне одну маленькую и очень серьезную девочку. Маша. Как залиvisto она смеялась, бегая босиком по желтым дубовым листьям, уворачиваясь от ласковых маминых рук... Это было, а как будто бы не было.

И Рада. Юная девочка-весна в легком платье посреди промозглого сентябрьского утра. Она так и не сказала мне, как я грущу. А сам я не знал. Да и разбираться теперь не было никакого желания – я учился не уметь грустить. И сейчас мне было просто хорошо. От этого солнечного утра, от дурманящего запаха рябины и желтой листвы, от тонкого запаха дыма – где-то неподалеку дворники сгребали листья в большие кучи и поджигали их, стремясь облегчить себе работу...

С того чудного утра прошла пара недель. Я помирился с друзьями, уволился с опостылевшей работы и на неделю сбежал в Осташково. Там у одного моего хорошего друга есть просторный бревенчатый дом, добрая баня и прямой выход на Селигер. Я приехал к нему без предупреждения. Просто сел в машину и поехал. Обычно мы договаривались о таких визитах, друг часто летал по всей стране, и застать его на месте бывало сложно. Но в этот раз он оказался на месте. Увидев меня, не удивился даже – просто обнял, похлопал по плечам и повел в дом...

Обедали мы на небольшой веранде с видом на озеро. Первозданная тишина вокруг. Палыч поставил на стол парящую кашу в чугушке – в его доме была настоящая русская печь. И пользовался он ей мастерски. Быстро разложил кашу по тарелкам, напластал ароматного хлеба, выставил миску с плавающими в мутном рассоле хрусткими огурчиками...

– Как это ты ко мне так собрался? – спросил, глядя на меня с хитрецей.

– Да вот, – ответил я и неопределенно покрутил в воздухе ложкой, – развеяться надо. Сижу, как сыч, в городе...

Палыч кивнул согласно, и принялся за еду. Каша была чудо как хороша. Прожевав, он продолжил начатый разговор:

– Вот если бы ты меня предупредил заранее, я бы баню к твоему приезду истопил, рыбы наловил и ухи наварил бы. А так довольствуйся тем, что есть, – он хмыкнул.

– Ну баню истопить дело нехитрое, да и рыбы завтра вместе наловим. Ведь наловим, а? Я так на рыбалку хочу...

Он глянул на меня, сказал одобрительно:

– А ты как-то посветлел что ли... Был смурной вечно, на рыбалку не выманишь. А тут смотри-ка, сам приехал. Неужто влюбился? – продолжил он совершенно нелогично.

Я чуть не подавился от такого его предположения:

– Да ну тебя. Просто устал. От города. От суеты этой вечной. От хмурых лиц. От... да от себя самого устал.

Палыч хитро глянул исподлобья:

– Нееет, друг, темнишь. Чувствую в твоей душе какое-то томленье.

Палыч часто выражался таким вот слогом, классическим и более присущим веку позапрошлому, серебряному, чем немало меня радовал. Всегда очень радостно послушать правильный красивый родной язык.

Я не стал ничего отвечать. Сделал вид, что целиком и полностью поглощен потрясающе вкусной едой...

Вечером мы сидели в бане, и я как на духу рассказал Палычу о своей неожиданной и такой непонятной встрече с Радой. Палыч, залпом выпив большую кружку ядреного кваса, выдохнул:

– Ну мил человек, это ты хватил конечно... Такая Рада в жизни раз всего встречается. А ты отпустил. Эх ты, тетеееря...

...Прав был Палыч, тетеря и есть. Сижу вот сейчас, солнышку радуюсь да смею детскому. На той самой скамейке сижу. Каждое утро. Уже неделю как. И в каждой девчонке ищу Радую.

Подумалось вдруг – а я ее ищу чтобы... что? Вот сейчас подойдет она ко мне, присядет рядом на скамейку и...

Сквозь детский смех я расслышал, как кто-то подошел к скамейке, легкими такими шагами. Встрепенулся, открыл глаза и... Передо мной стоял благообразный дед. Маленький, сухонький, в темном твидовом пиджачке и беретке. Такой, знаете, какие художники любят?

Он стоял, опираясь на богатую трость, и улыбался, глядя на меня поверх маленьких очков в тонкой изящной оправе. Трость выбивалась из всего его образа, так ладно скроенного.

– Вы позволите? – дед указал взглядом на скамейку. Голос у него был неожиданно глубокий. Какой-то несочетаемый сам с собой дед.

– Да, конечно, присаживайтесь, – я культурно сдвинулся, хотя места на скамейке было хоть отбавляй – я ведь один сидел.

Дед вынул из кармана неожиданно большой платок, расправил его на скамейке, сел. Видимо, заметив промелькнувшее в моем взгляде удивление, сказал:

– Хозяюшка моя, знаете ли, ворчит. Вечно, говорит, ходишь по паркам и скамейки штанами обтираешь, – он очень похоже изобразил какую-то женщину, и я невольно улыбнулся.

Забавный дед. И скамейка какая-то необычная. Толкает людей на немотивированное общение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.